

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2021

№ 60

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Молчанов В.И. Эпохе и опыт: метафоры и термины	5
Сироткина Л.С. Эпистемологический статус логической процедуры: логическое vs когнитивное?	15
Хлебалин А.В. Эпистемологические нормы и социальные практики математического доказательства	24

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. Смарт-технологии как понятие и феномен: к вопросу о критериях	32
Глухов П.П., Попов А.А., Аверков М.С. Контуры нового антропологического проекта образования	45
Городович О.В. «Чистый лист» или природная данность: необходимость ясного понимания термина «человеческая природа» в контексте изучения современных образовательных практик	55
Корнющенко-Ермолаева Н.С. Идеология versus коллективная историческая память? К истории дискурса	64

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Головина Ю.А. Н.С. Таганцев и Дж.Ст. Милль: государство и человек в споре о смертной казни	74
Жаворонков А.Г. Разум как привилегия европейцев? Кант и проблема расизма	89
Меньшикова А.А. Категория трансцендентального посредника в работах философов аналитического направления	97
Целищева О.И. Релятивизм Рорти и витгенштейновский скептицизм Куна	108
Шавеко Н.А. Этика дискурса Юргена Хабермаса: критический анализ	125

СОЦИОЛОГИЯ

Дунаева Д.О. Дискурсивные практики горожан как коммуникативный механизм формирования образа комфортного города (опыт полевого исследования)	137
Прохода В.А. Отношение к мигрантам и стратегии межкультурного взаимодействия в России и других европейских странах	151
Савчук Г.А., Бритвина И.Б., Франц В.А. Интернет-сайты вузов как канал коммуникации в привлечении студентов из стран Центральной Азии в контексте теории «мягкой силы»	164

ПОЛИТОЛОГИЯ

Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии	175
Мартинкович М. Развитие партийной системы и характер коалиционных правительств Словакии в 2006–2016 годах	194
Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования)	206

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Философия

Касавин И.Т. Наука как общественное благо	217
Антоновский А.Ю. «Хоть дерево гнило, да благо нам мило» (народная поговорка)	228
Вострикова Е.В. Гуманитарное знание и общественное благо: два примера из языкознания	236
Масланов Е.В. Миссия ученого как воля и представление	243
Столярова О.Е. Наука и идеалы гуманизма	248
Тухватулина Л.А. О моральном героизме и научном призвании	254
Шибаршина С.В. Наука как абсолютное благо в футурологической перспективе трансгуманизма	259

Политология

Никандров А.В. Философско-политическая риторика «самодержавия народа» в программах «Народной воли» и РСДРП	265
Савойский А.Г. Итоги и моделирование российско-американских отношений как индикатора развития глобальной цивилизации	275
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	292

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Molchanov V.I. Epoche and Experience: Metaphors and Terms	5
Sirotkina L.S. Epistemological Status of a Logical Procedure: Logical vs Cognitive?	15
Khlebalin A.V. Epistemological Norms and Social Practices of Mathematical Proof	24

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Ardashkin I.B., Surovtsev V.A. Smart Technologies as a Concept and Phenomenon: On Criteria	32
Glukhov P.P., Popov A.A., Averkov M.S. Outlines of a New Anthropological Education Project	45
Gorodovich O.V. A “Blank Slate” or a Natural Predisposition: The Necessity of Clarifying the Term “Human Nature” in the Context of Modern Educational Practice Studies	55
Kornushchenko-Ermolaeva N.S. Ideology versus Collective Historical Memory? To the History of Discourse	64

HISTORY OF PHILOSOPHY

Golovina Yu.A. Nikolai Tagantsev and John Stuart Mill: State and Man in the Death Penalty Dispute	74
Zhavoronkov A.G. Reason as a Privilege of Europeans? Kant and the Problem of Racism	89
Menshikova A.A. The Transcendental Intermediary in Analytic Philosophy	97
Tselishcheva O.I. Relativism and Skepticism vs Rationality in Philosophy and Science	108
Shaveko N.A. Discourse Ethics of Jürgen Habermas: A Critique	125

SOCIOLOGY

Dunaeva D.O. Discursive Practices of Citizens as a Communicative Mechanism for Forming The Image of a Comfortable City (Practical Research Experience)	137
Prokhoda V.A. Attitude Towards Migrants and Strategies of Intercultural Interaction in Russia and Other European Countries	151
Savchuk G.A., Britvina I.B., Frants V.A. The University’s Website as a Communication Channel for Attracting International Students from Central Asian Countries in the Context of the Soft Power Theory	164

POLITICAL SCIENCE

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digitalization of the Contemporary Space of Socio-Political Communications: Scientific Concepts, Models, and Scenarios	175
Martinkovic M. Development of the Party System and the Character of Coalition Governments in Slovakia in the Years 2006–2016	194
Nikonov V.A., Voronov A.S., Sazhina V.A., Volodenkov S.V., Rybakova M.V. Digital Sovereignty of a Modern State: Content and Structural Components (Based on Expert Research)	206

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Philosophy

Kasavin I.T. Science: A Public Good and a Humanistic Project	217
Antonovskiy A.Yu. Although the Tree Is Rotten, It Brings Good (A Russian Proverb)	228
Vostrikova E.V. Knowledge in the Humanities and the Public Good: Two Examples from Linguistics	236
Maslanov E.V. The Mission of a Scientist as Will and Representation	243
Stoliarova O.E. Science and the Ideals of Humanism	248
Tukhvatulina L.A. On Moral Heroism and Scientific Vocation	254
Shibarshina S.V. Science as an Absolute Good and the Transhumanist Days of Tomorrow	259

Political Science

Nikandrov A.V. The Philosophical and Political Rhetoric of the “Autocracy of the People” in the Programs of Narodnaya Volya and RSDLP	265
Savoysky A.G. Results and Modeling of Russian-American Relations as an Indicator of International Life	275

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	292
---	-----

Политология

УДК 32.001

DOI: 10.17223/1998863X/60/26

А.В. Никандров

ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА «САМОДЕРЖАВИЯ НАРОДА» В ПРОГРАММАХ «НАРОДНОЙ ВОЛИ» И РСДРП

Статья посвящена малоисследованному в истории политической мысли концепту «самодержавие народа», которое обычно связывают с именем Ж.-Ж. Руссо и его учением о «народе-суверене». Однако известно, что в свое время этот концепт стал одним из важнейших понятий «Народной воли» и оказал влияние на российских большевиков.

Ключевые слова: «самодержавие народа», «Народная воля», РСДРП, Л.А. Тихомиров, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин.

Необычная и неожиданная формулировка «самодержавие народа» появляется в I программе РСДРП, принятой на II, учредительном, ее съезде (1903). Первоначальный проект программы составлялся Г.В. Плехановым в январе 1902 г. В этом тексте постановка такая: «Русские социал-демократы ставят своей ближайшей политической задачей низвержение *монархии* и замену ее республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей: 1. *Самодержавие народа*, т.е. сосредоточение всей верховной власти в руках законодательного собрания, составленного из народных представителей...» [1. С. 18–19]. Памятны известные споры по программным вопросам партии между Плехановым и Лениным, тематика которых простиралась от концептуально-политических моментов до проблем стиля текста программы (немаловажные, надо сказать, для программы проблемы). Однако концепт «самодержавие народа» в этой полемике не фигурировал, и бескомпромиссные спорщики на этой почве не сталкивались.

Окончательный текст программы, принятой на II съезде, в части, касающейся поставленной темы, гласит: РСДРП «ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его *демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы*: 1. Самодержавие народа, т.е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа *и образующего одну палату...*» [1. С. 164]. – «Монархия» просто заменена на «царское самодержавие», риторически оттеняющее «самодержавие народа»; текст представляет собой некоторую тавтологию: выставляемая форма государства после свержения монархии – демократическая республика, сущностью которой является «самодержавие народа», которое есть не что иное, как опять-таки демократическая республика. Составители (Плеханов и Ленин по пре-

имуществу) могли бы обойтись и без слов «самодержавие народа», однако текст и его история показывают, что они *настаивали* на этой формуле.

Нельзя сказать, чтобы неожиданный концепт «самодержавие народа» не вызвал внимания и критики: марксистская риторика к тому времени совершенно вытеснила народническую, так что *терминологический реликт* насторожил некоторых социал-демократов. К.М. Тахтарев (Страхов) предлагал заменить «самодержавие народа» словами «верховенство народа». Он справедливо утверждал, что «формулировка Плеханова „народное самодержавие“ неудобна, – отдает народничеством» [2. С. 179]. Концепт звучал явно немарксистски, если не *антимарксистски*, и это при том, что продвигался одновременно двумя политиками (Плеханов и Ленин), которые позиционировали себя как марксисты *par excellence*.

Другие участники съезда также не преминули отметить тот факт, что концепт контрастирует с марксистским общественно-политическим «фоном»; однако в скором времени «самодержавие народа» стало вполне привычным элементом партийной риторики, сблизившись по значению с демократической республикой, став по сути ее «возвышенным синонимом». Концепт стал настолько привычным, что уже и сам К.М. Тахтарев в работе 1907 г. пользуется им значительно *чаще*, чем понятиями, которые заменяются этим термином (прямая демократия, прямое народное законодательство, полное самоуправление граждан). В собственном смысле, согласно Тахтареву, самодержавие народа является политической ступенью для социализма и *одновременно* результатом социалистической революции: «Без достижения самодержавия народа социализм невозможен. Без социализма самодержавие народа не может быть фактическим самодержавием трудящихся» [3. С. 226].

Что касается В.И. Ленина, его цель в поддержке плехановского концепта представляется вполне ясной. Главное, что привлекало его в этом многозначном и размытом по смыслу концепте, – это необычно широкие возможности реконцептуализации в самых разных направлениях. «Самодержавие народа» может легко быть развернуто в термин «диктатура пролетариата»; сверх того, следует добавить эффективность в антисамодержавной риторике: квазируссоистский лозунг «самодержавие народа» логично противопоставлялся «самодержавию царя». Вообще, эта удачно сконструированная бинарная формула легко меняет смысл при усилении одного и нивелировании другого компонента: усиливая «народ», получаем бунт, революцию (народ без царя!), буйную риторику *People souverain* Великой французской революции; усиливая «самодержавие» – получаем формулу с ярким этактистским звучанием; балансируя между крайними точками – получаем демократическую республику.

Мастер слова, «слова-оружия», Ленин был очень талантлив и находчив в тех случаях, где слово значит так много, и где нужно использовать всю мощь, содержащуюся в нем. Но вот найти нужное слово – тут Ильич не всегда был первым. «Самодержавие народа» – это *находка* Г.В. Плеханова.

Где же находит столь необычную, обладающую такими разнонаправленными концептуальными возможностями политическую формулу Плеханов? Русский марксист вводит в проект программы концепт, с которым познакомился при критическом разборе в знаменитой работе «Наши разногласия» (1884) довольно влиятельного текста – агитационно-политического произведе-

дения Л.А. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» (1884), которое в свою очередь было своеобразным ответом на плехановскую же работу «Социализм и политическая борьба» (1883), являющуюся крупным манифестом его идеологического похода против народников и народовольцев.

Статья-манифест «Чего нам ждать от революции?», как пишут А.В. Репников и О.А. Милевский, «содержала мощный заряд критики против тезиса представителей марксистского социалистического крыла о неизбежности прохождения Россией капиталистической стадии развития по образу и подобию европейских государств»; а «ближайшей задачей партии в статье „Чего нам ждать от революции?“ ставился политический переворот с целью передачи власти Учредительному собранию» [4. С. 169]. Именно в этом произведении Тихомиров проявляет себя не только как идеолог «Народной воли», но и как глубокий политический мыслитель.

Уже на этапе споров о толковании названия революционного союза («Народная воля») Тихомиров определял *народную волю*, или *волю народа*, – именно как «власть народа». Ведущий идеолог «Народной воли» выдвигает «народное самодержавие» в качестве принципа грядущего после уничтожения «самодержавия царя» устройства российского государства: «Масса народа, сила громадная – каждый раз когда она сплочена, выдвинет и поддержит только такой строй, в котором будут осуществляться главные основы его мирозерцания: народное самодержавие в государственных отношениях, и организация земельных отношений на основании общенародного права на землю. В этом смысле *захват власти* социально-революционной партией вовсе не представляется ни фантастичным, ни бесплодным» [5. С. 22].

Пассаж из тихомировской работы – отнюдь не первый случай употребления выражений «народное самодержавие» (или «самодержавие народа») народовольцами, использовавшими концепт-образ «народа-суверена». Мы встречаем этот концепт в народовольческих документах, написанных при участии Тихомирова, если не им лично, начиная с 1879 г., в точно таком же значении, – как *власть народа*, изначально *ему* принадлежащая. В одном из документов «Народной воли» от 1882 г. цель организации определяется как «народоправление, переход верховной власти в руки народа. Задача партии – способствовать переходу и упрочению верховной власти в руках народа. <...> Решено было начать борьбу с правительством, отрицающим идею Народовластия безусловно и всецело» [6. С. 583–584].

Впервые без классической жесткой привязки к Руссо, Французской революции и т.д. о «народном самодержавии» читаем в прокламации Исполнительного комитета «Народной воли» по поводу покушения на царский поезд в ноябре 1879 г.: «Александр II – главный представитель узурпации народно-го самодержавия...» [6. С. 168]. Таким образом, эта яркая идея проводилась в документах народовольцев достаточно настойчиво и энергично. Использовались понятия «народовластие», «власть народа», но *такой политической энергетикой*, как «самодержавие народа»/«народное самодержавие» они, конечно, не обладали и обладать не могли, ведь энергетика – там, где столкновение идей, концептов; «разность потенциалов», можно сказать.

Л.А. Тихомиров, да и остальные теоретики «Народной воли», по справедливому утверждению С.С. Волка, «хорошо не представляли себе будущего революционного государства. Недооценивали они и лозунг республики.

Они мечтали сразу же создать общенародное государство, в то время как единственно возможным в то время было государство классовое. Они мечтали о социалистическом государстве, но в действительности в России могло утвердиться только государство буржуазно-демократическое...» [7. С. 209]. Тихомиров и ряд других идеологов и теоретиков «Народной воли» усиливают «государственнический элемент» в своей доктрине, и, подчеркивая приверженность цели государственного переворота, необходимости захвата государства в свои руки для установления желаемого курса (своеобразная «перенастройка государства» как единственного и всемогущего «мотора» российской жизни), склоняются к якобинизму в своей новой риторике (будут предъявлены также и обвинения в бланкизме); что же до «передачи власти народу», этот тезис затушевывается.

В знаменитом «Письме Исполнительного комитета Народной воли заграничным товарищам», составленном Тихомировым в конце 1881 г., девизом которого служат слова *«переворот государственный – это наше „быть или не быть“»*, говорится: «Что касается нашего якобинизма, то опять не знаем, как сказать. Беда с этими иностранными словами. <...> Во-первых, слово „якобинизм“ в России очень *загажено болтунами*, а потому, что бы оно ни означало, мы себя якобинцами *называть не согласны*. Затем, мы по убеждениям и стремлениям *государственники*, т.е. признаем за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована. Государственная власть была, есть и будет, вероятно, всегда. Поэтому мы обращаем на ее организацию такое же внимание, как на организацию экономических отношений. Революция совершится только тогда, когда власть эта будет в хороших руках, а посему мы и стремимся захватить ее, так как народ, пока он раб тысячи других условий, ее все равно не удержит» [8. С. 320–321].

В «Наших разногласиях» Плеханов подвергает острой критике концепцию, изложенную в тихомировском памфлете «Чего нам ждать от революции?». В зоне *особого* внимания Плеханова – народовольческий концепт Тихомирова «самодержавие народа» («народное самодержавие»). Идея о том, что «верховная власть есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое», идеологом марксизма отвергается безусловным образом: «Этим-то убеждением в общенародном характере нашей верховной власти и укрепляется вера г. Тихомирова в недалекое торжество народоправления. Переход к последнему от самодержавия царей „не составляет чего-нибудь оригинального (?). Французский народ так же точно от идеи о самодержавном короле, способном говорить *l'état c'est moi*, перешел без затруднения (!) к идее о *peuple souverain*. Господство самодержавного народа там не могло фактически установиться, благодаря силе буржуазии“ у нас нет буржуазии, поэтому ничто не мешает у нас торжеству народоправления» [9. С. 282].

Плеханов выставляет кардинально важный тезис: когда «взаимные отношения общественных классов станут резко определенными, место „народа“ займет рабочий класс, и народное самодержавие превратится в диктатуру пролетариата» [9. С. 287]. Тихомиров *vice versa* выдвигает против Плеханова и его коллег-марксистов во многом справедливое обвинение в «желании создать класс, от имени которого он сможет действовать, – пролетариат...» [9. С. 287]. Он саркастически говорит, как бы следуя логике плехановцев и

доводя ее до абсурда (впрочем, до абсурда ли?): «Будучи последовательным и ставя интересы революции выше своей личной нравственной чистоплотности, социалист тут должен был бы вступать прямо в союз с рыцарями „первоначального накопления“...» [5. С. 1].

При всем ригоризме отрицания Плехановым народничества, нельзя сказать, чтобы в переходе к марксизму он полностью оставил идейную систему, которую разделял до марксизма; нельзя утверждать также и полное его «антинародовольчество»: недаром, видимо, однажды (в 1882 г., если точно) Тихомиров сказал ему: «Да вы настоящий народоволец!»¹. Глубинное, не изжитое до конца народничество продолжало довлеть над его политической мыслью, и причина притяжения им народовольческой политической максимы «самодержавие народа», безусловно, с этим связана.

Что касается субстанциальной близости народничества, особенно народовольчества, и большевизма, – то серьезная постановка этой темы является, пожалуй, одной из самых сложных задач в науке об истории российских политических учений. Прежде всего это касается оценки роли государства в истории России. Как известно, около 1902 г. Ленин пересматривает роль государства в России, отбрасывая классовую трактовку и выдвигая тезис о самодержавии как о «самостоятельной организованной политической силе». – Он принимает установку о возможности и необходимости захвата этой силы с тем, чтобы проводить выставляемые преобразования [2. С. 211–213]. Но ведь этот подход к российскому самодержавному государству был разработан народовольцами: так, в № 1 (1879) Вестника «Народная воля. Социально-революционное обозрение» читаем: «Нам кажется, что одним из важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса. А между тем именно у нас, в России, особенно не следовало бы его игнорировать. Наше государство – совсем не то, что государство европейское. Наше правительство не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а есть самостоятельная, для самой себя существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов». В № 2 (1879) «Народной воли» практически в славянофильском ключе говорится: «История создала у нас, на Руси, две главные самостоятельные силы: народ и государственную организацию» [6. С. 7; 75].

Таким образом, можно сказать, что политическая, концептуальная и прямая текстуальная зависимость Ленина от народовольческих текстов – несколько большая, чем это принято признавать; а также привести неожиданное высказывание Плеханова, сказанное в один из последних его дней: «Ленин, Троцкий и другие, двадцать лет шедшие с марксистами, в сущности, сделались народниками после Февральской революции. Они действуют по программе Л. Тихомирова...» [12. С. 439].

¹ «Тихомиров, с удовлетворением, если не с удивлением, констатируя сближение взглядов Плеханова и народовольцев на политику, однажды даже сказал ему: „Да вы настоящий народоволец!“» [10. С. 79–80].

После 1888 г. Л.А. Тихомиров, как известно, переходит на позиции монархизма, «самодержавия царя», если угодно. Казалось бы, с переходом в монархический лагерь Тихомиров должен был отказаться не только от *руссоистско-народнической* трактовки и политической постановки «самодержавия народа», – логичным шагом было бы вообще отвергнуть сам концепт, не использовать его впредь. Однако мыслитель этого не делает. Концепт «самодержавие народа» наполняется у него постепенно другим смыслом – монархическим; прежний же смысл сохраняется подспудно; и в ходе размышлений о событиях 1905–1907 гг. начнет, пожалуй, даже теснить монархическую трактовку. И так, по мере того как выявляется беспомощность и политическая немощь действующего монарха, концепт в сочинениях Тихомирова заново наполняется «старым», руссоистско-народовольческим смыслом, с тем, чтобы превратиться в новый идейно-политический *синтез*. В работе «Почему я перестал быть революционером» (1888) он утверждает: «Можно услышать множество фраз о „возвращении власти народу“. Но это не более как пустые слова. Ведь народ об этом нисколько не просит, а, напротив, обнаруживает постоянно готовность проломить за это голову „освободителям“. <...> Русский Царь не похищает власти; он получил ее от торжественно избранных предков, и до сих пор народ, всею своею массой, при всяком случае показывает готовность поддержать всеми силами дело своих прадедов» [13. С. 37].

В трудах Тихомирова монархического периода термин «самодержавие народа» рисуется необычным, отчасти неожиданным образом: концепт не отвергается, но уже и не сводится к демократии западного типа, скорее даже резко отдалается от нее; руссоизм в трактовке формулы «самодержавие народа» внешне почти пропадает (во всяком случае, до 1905 г.). Даже когда в письме на имя императора Александра III он пишет, что «самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь», – мыслитель дает понять, что ложью является не самодержавие народа *само по себе*, но именно то, о котором он когда-то мечтал (т.е. сведенное к власти народа, но *без монарха*).

Понятно, что «самодержавие народа» существует *не наряду* с «самодержавием царя», ибо двух верховных властей в одном государстве быть не может. Божественное поставление предшествует (все)народному избранию: так, Л.А. Тихомиров в работе, посвященной Учредительной грамоте 1613 г., которую он оценивает как «документ, не имеющий себе равного во всемирной государственно-правовой созидательной деятельности», отмечает, что в этом документе «всемерно подчеркнуто, что Михаил Федорович поставляется на царство по избранию Божиему, а лишь затем и по избранию всего русского народа» [14. С. 414–416].

Как происходит в политической мысли Тихомирова «возвращение к руссоизму»? – «О тихомировской эволюции от монархизма обратно к идеям общественного договора в духе Ж.-Ж. Руссо, которых Лев Александрович придерживался во времена революционной молодости, – утверждает С.В. Чесноков, – мы можем доказательно говорить, начиная с революции 1905–1907 гг.» [15. С. 211]. Эту обратную идейную эволюцию исследователь констатирует на основании дневниковых записей и писем Тихомирова. Так, в письме А.С. Суворину 1906 г. Тихомиров признает: «Что касается устройства России, то на это может быть компетентным только одна власть – Земский

собор. <...> Предмет Собора: специальный вопрос о Верховной власти. Какую пожелает Собор, такую и установит, дальнейшую конституцию уже потом строить, когда народ решит вопрос о сущности, т.е. Верховной власти». – В дневниковой записи от 1917 г. мыслитель восклицает: «Русский народ не имеет надобности, чтобы получать от кого-либо Верховную власть: он сам по себе ее имеет и может взять от „доверенного“ (т.е. Царя), когда ему это покажется нужным» [15. С. 211–212]. – Опять из дневников 1905–1907 гг., запись 1905 г.: «Захочет русский народ, так восстановит монархию, а теперь ее все равно нет» [16. С. 84]. Эта идея проводится довольно-таки настойчиво.

В дневниковых записях 1905–1907 гг. отражен весь ужас мыслителя перед падением монархии, отсутствие перспектив для государства при столь слабом монархе, каким являлся император Николай II; эти же идеи, но в сглаженном и завуалированном виде, присутствуют и в печатных работах Тихомирова. Может быть, дело не в конкретном императоре, а в самом монархическом принципе? Где же выход? Он – в «спасающей личности». В записи 1906 г. Тихомиров утверждает, что «спасти положение могли бы только люди гениального ума и энергии»; «Нужен великий человек...» [16. С. 249; 287].

Мыслитель не оставляет идею «самодержавия народа» – ведь вождь может быть вождем только народа (и *его* государства); «спасающая личность» (мессия) может спасти только *свой* народ и государство, т.е. *самодержавный народ*; но монархический принцип – во всяком случае, в дневниках, – совершенно *отбрасывается*.

Можно ли считать ли личные записи политическим вердиктом? – Вот запись от 2 марта 1917 г., и она вполне убеждает в этом: «Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут Самодержавие, если народу внушили отвращение к нему – действиями самого же Царя» [17. С. 348]. Совершенно ясно, что мыслитель ищет не *нового царя* («доверенного», но этого доверия не оправдавшего) взамен Николая II, но именно *нового вождя* (погибающего государства). Так отвергается монархический принцип, и вводится в силу новый, *монократический* принцип верховной власти, причем этот принцип, в полном соответствии с общей теорией верховной власти (народ как нация есть ее источник) Тихомирова, произведен от народа.

В дневниках 1915–1917 гг. усиливается риторика «спасающей личности»: мыслитель в еще большей степени энергичен в проведении этой идеи. «Теперь нам нужен диктатор, а мы вместо этого создаем анархию» (26 августа 1915 г.) [17. С. 106]. «Гениальный деятель», «вождь», «диктатор» – в нем видит мыслитель спасение для России, но конкретного воплощения не находит (или не хочет признать, что нашел). Однако история России такую личность, «спасающую личность», вождя и диктатора, выдвинула, и это – Ленин.

Конечно, никак нельзя сказать, что в российской политической мысли XIX – начала XX в. идея «народного суверенитета» («самодержавия народа») развивалась исключительно «Народной волей», в особенности Тихомировым; Плехановым (в специфическом ключе) и Лениным (в полемическом ключе). Так, к примеру, уже А.Н. Радищев вслед за Ж.-Ж. Руссо выдвигал идею народного суверенитета, рассматривая в качестве идеала общественного

и государственного устройства прямую демократию Новгородской республики» [18. С. 217]. Однако куда как больше эта идея подвергалась подчас жесточайшей критике: тут можно привести в пример В.О. Ключевского, саркастически задающего вопросом, «если народ – государь, то кто подданные? Те, кому он поручает управление?» [19. С. 253]. Но все или почти все подобные случаи использования концепта связаны с Великой французской революцией¹. Эти примеры можно множить, но тем не менее именно в представленном экскурсе показана вся серьезность, риторическая мощь и идейно-политическая сила концепта «самодержавие народа», продемонстрирована сила слова в революции, – ведь подчас «мы имеем в своем распоряжении только слово...» (Ленин). Этого, конечно, мало, но не следует забывать и о словах Сталина: «Идеи – более сильное оружие, чем пушки...».

Литература

1. Ленинский сборник – II / под ред. Л.Б. Каменева. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1924.
2. Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903 года. Протоколы / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. : Партиздат, 1959.
3. Тахтарев К.М. От представительства к народовластию. К изучению новейших стремлений политического развития современного общества. М. : Ленанд, 2015.
4. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М. : Academia, 2011.
5. Тихомиров Л. Чего нам ждать от революции? (Отдельный оттиск из № 2 «Вестн. Народной Воли»). СПб. : Изд. группы типографшников Народной Воли, 1885.
6. Литература социально-революционной партии «Народной Воли». [СПб.], 1905.
7. Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. М. ; Л. : Наука, 1966.
8. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Том II. 1876–1882 гг. / под ред. С.С. Волка. М. ; Л. : Наука, 1965.
9. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения: в 5 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1.
10. Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М. : РОССПЭН, 1997.
11. Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М. : Ипол, 1993.
12. Бэрон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб. : Российская национальная библиотека. Дом Плеханова, 1998.
13. Тихомиров Л. Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение». 1892–1897 гг. М. : Москва, 1997.
14. Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти. М. : Изд-во М.Б. Смолина (ФИБ), 2018.
15. Чесноков С.В. Эволюция государствоведческих взглядов Л.А. Тихомирова в свете критики «хомяковского» православия П.А. Флоренским // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, № 2. С. 205–214.
16. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М. : РОССПЭН, 2015.
17. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А.В. Репников. М. : РОССПЭН, 2008.
18. Яковлев М.В. Российская демократия: особенности концепта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–2. С. 216–218.
19. Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М. : Русская панорама, 2012.
20. Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М. : Наука, 1992.

¹ Но при желании можно найти и примеры другого рода, вполне близкие к анархистской постановке дела (что справедливо отмечает Е.Л. Рудницкой). Так, по словам П.Л. Лаврова, сказанным им в 1874 г., революционеры «борются против правительства для облегчения народного восстания, для того, чтобы государственная власть преобразовалась прямо в самодержавие народных общин, народных собраний, народных кругов» [20. С. 99].

Aleksey V. Nikandrov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: bobbio71@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 265–274.

DOI: 10.17223/1998863X/60/26

THE PHILOSOPHICAL AND POLITICAL RHETORIC OF THE “AUTOCRACY OF THE PEOPLE” IN THE PROGRAMS OF NARODNAYA VOLYA AND RSDLP

Keywords: “autocracy of the people”; Narodnaya Volya; RSDLP; Lev Tikhomirov; Georgi Plekhanov; Vladimir Lenin.

Speaking about the “autocracy of the people”, historians of political ideas first of all recall Jean-Jacques Rousseau with his unforgettable term “people souverain” (“*le Peuple est seul détenteur de l'autorité souveraine*”). Memory resurrects scenes and images with famous figures of the Great French Revolution who tried to bring the idea of the sovereignty of the people (souverainité du peuple) to life. One recalls Maximilian Robespierre with his “I am not the courtier, nor the moderator, nor the tribune nor the defender of the people, I am the people myself” (“*Je ne suis ni le courtisan, ni le modérateur, ni le tribun, ni le défenseur du peuple! Je suis peuple moi-même!*”). However, few philosophers of politics and historians of political ideas will recall that once the concept “autocracy of the people” (this is how the expression “souverainité du peuple” began to be translated in the Russian social democratic society) became one of the most important concepts of Narodnaya Volya (People’s Will) and once had a powerful influence on RSDLP (Russian Social Democratic Labour Party): it was not only included in the Party’s First Program, but was also actively used in Bolshevik political rhetoric. The expression “autocracy of the people” in the years of the First Russian Revolution is used both in the political works of Lenin and Stalin, and in all sorts of leaflets, appeals, calls to the working people. RSDLP takes the expression “autocracy of the people” for its First Program from the literary-political and program documents of Narodnaya Volya. Tracing this conceptual line, we come across such prominent political figures and philosophers as Lev Tikhomirov, Georgi Plekhanov, and Vladimir Lenin. However, of particular interest is the development of the concept in the political thought of Lev Tikhomirov after he ceased revolutionary activities and joined monarchism. At the beginning of the 20th century, in his political philosophy, “autocracy of the people” acquires strongly marked monarchist features while retaining the Russoist revolutionary anti-autocratic content. This, undoubtedly, is extremely rare in the history of political ideas and needs a historical and political analysis. In the humanities, a new direction has been formed -- Tikhomirov studies. What was the meaning and influence of Tikhomirov’s thought in the political history of Russia? There are rather fierce debates about this, especially in the current situation and context, when monarchism becomes not just an object of study by historians, but also a concept in political struggle. Books, including the diaries of the thinker, are published and analyzed. His life particularly attracts the interest of scholars in various fields. The interest of political scientists is clearly not incidental here.

References

1. Kamenev, L.B. (ed.) (1924) *Leninskiy sbornik – II* [The Lenin Collection – II]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
2. Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. (1959) *Vtoroy s'ezd RSDRP. Iyul' – avgust 1903 goda. Protokoly* [Second Congress of the RSDLP. July – August 1903. Protocols]. Moscow: Partizdat.
3. Takhtarev, K.M. (2015) *Ot predstavitel'stva k narodovlastiyu. K izucheniyu noveyshikh stremleniy politicheskogo razvitiya sovremennogo obshchestva* [From representation to democracy. To the study of the latest aspirations of the political development of modern society]. Moscow: Lenand.
4. Repnikov, A.V. & Milevskiy, O.A. (2011) *Dve zhizni L'ya Tikhomirova* [Lev Tikhomirov's two lives]. Moscow: Academia.
5. Tikhomirov, L. (1885) *Chego nam zhdat' ot revolyutsii? (Otdel'nyy ottisk iz № 2 “Vestn. Narodnoy Voli”)* [What can we expect from the revolution? (Separate reprint from No. 2 “Bulletin of Narodnoy Volya”)]. St. Petersburg: Izd. gruppy tipografshchikly Narodnoy Voly.
6. Narodnoy Volya. (1905) *Literatura sotsial'no-revolyutsionnoy partii “Narodnoy Voli”* [Literature of the social-revolutionary party “Narodnaya Volya”]. St. Petersburg: [s.n.].
7. Volk, S.S. (1966) *Narodnaya volya. 1879–1882* [The will of the people. 1879–1882]. Moscow; Leningrad: Nauka.

8. Volk, S.S. (ed.) *Revoljucionnoe narodnichestvo 70-ih godov XIX veka* [Revolutionary populism of the 1870s]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.
9. Plekhanov, G.V. (1956) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Selected Philosophical Works: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
10. Tyutyukin, S.V. (1997) *G.V. Plekhanov. Sud'ba russkogo marksista* [G.V. Plekhanov. The fate of the Russian Marxist]. Moscow: ROSSPEN.
11. Ingerflom, K.S. (1993) *Nesostoyavshijsya grazhdanin. Russkie korni leninizma* [A Failed Citizen. Russian Roots of Leninism]. Moscow: Ipol.
12. Beron, S.Kh. (1998) *G.V. Plekhanov – osnovopolozhnik russkogo marksizma* [G.V. Plekhanov is the founder of Russian Marxism]. St. Petersburg: The Russian National Library. The Plekhanov House.
13. Tikhomirov, L. (1997) *Kritika demokratii. Stat'i iz zhurnala "Russkoe obozrenie". 1892–1897 gg.* [Critique of Democracy. Articles from the magazine "Russian Review". 1892–1897]. Moscow: Moskva.
14. Tikhomirov, L.A. (2018) *Monarkhicheskoe nachalo vlasti* [The Monarchical Beginning of Power]. Moscow: M.B. Smolin.
15. Chesnokov, S.V. (2007) Evolyutsiya gosudarstvennykh vzglyadov L.A. Tikhomirova v svete kritiki "khomyakovskogo" pravoslaviya P.A. Florenskim [L.A. Tikhomirov's evolution in the light of P.A. Florensky's criticism of the "Khomyakovsky" Orthodoxy]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii.* 8(2). pp. 205–214.
16. Repnikov, A.V. & Kotov, B.S. (2015) *Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1905–1907 gg.* [L.A. Tikhomirov's diary. 1905–1907]. Moscow: ROSSPEN.
17. Repnikov, A.V. (2008) *Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1915–1917 gg.* [L.A. Tikhomirov's Diary. 1915–1917]. Moscow: ROSSPEN.
18. Yakovlev, M.V. (2013) Russian democracy: features of concept. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 1–2. pp. 216–218. (In Russian).
19. Klyuchevskiy, V.O. (2012) *Lektsii po istorii Zapadnoy Evropy v svyazi s istoriey Rossii* [Lectures on the history of Western Europe in connection with the history of Russia]. Moscow: Russkaya panorama, 2012.
20. Rudnitskaya, E.L. (1992) *Russkiy blankizm: Petr Tkachev* [Russian Blanquism: Peter Tkachev]. Moscow: Nauka.